

добра, излучающейся изъ настоящихъ людскихъ сношений. Но когда принять быль этотъ пунктъ мистического утвержденія, въ работу духа вторгся разсудокъ и ему довѣрился писатель. Слѣдовало ожидать, что какъ у настоящаго мистика—у Толстого—умъ и внутреннія интимно-душевныя переживанія будутъ въ полномъ единстве и что мысль будетъ только простой выразительницей того, что создается и рѣпается тамъ—въ этомъ внутреннемъ мірѣ религіозныхъ эмоцій. Но великий аналитикъ не стѣснилъ критической мысли въ ея свободномъ движеніи, умъ его пошелъ отдельной дорогой и отсюда расхожденія Толстого-мистика и Толстого-рационалиста. Давая свободное выраженіе своего религіознаго ученія, писатель отвлекался борьбой и проповѣдью, его сила логическая и критическая нужны ему были не для поясненія и изложенія, а для полемики, для борьбы. Религія и жизнь должны быть—одно и то же. Дѣйствительность показываетъ иное, и писатель сливаетъ въ одно бурныя войны съ міромъ и попутныя изложенія своихъ основъ. На почвѣ конкретнаго приложенія своего ученія къ жизни, Толстой долженъ быль сходить съ мистическихъ высотъ и проповѣдническая каѳедра освобождалась для раціоналиста, призывающаго къ критической проповѣдѣ принятыхъ догмъ и завѣтовъ.